

*И. А. Донникова***АНТРОЛОПОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СЛОЖНОСТИ**

Сложность – один из главных концептов современной науки, который используется также в качестве методологического и онтологического принципа. В парадигме сложности представлены различные интерпретации этого концепта, раскрывающего свойства физической реальности, общества, человека, мышления и познания (И. Пригожин, Г. Хакен, Э. Морен, К. Майнцер, В. Степин и др.).

Сложность появляется тогда, отмечает Э. Морен, «когда различные элементы целого становятся неотделимыми друг от друга и когда существует взаимная интерактивная и взаимная ретроактивная ткань между ... частями и целым, целым и частями, частями между собой... Поэтому сложность представляет собой связь между единством и множественностью» [2, с. 49]. Таким образом, концепт объединяет две основные идеи: сложность предполагает холизм, целостность мира (и сложных объектов как его частей); сложность сопряжена с самоорганизацией, способностью трансформировать внутренние противоречия в развитие.

При анализе сложности в центре внимания оказываются *взаимодействия* «равно-мощных сложностей, которые взаимно рекурсивно обуславливают друг друга, возникают и творятся в этом процессе, выступая одновременно и причинами, и результатами, следствиями взаимодействия» [1, с. 9-10]. Полагаем, что содержание концепта сложности может быть дополнено антропологическими и философско-культурологическими интерпретациями, поскольку и культура, и человек – это «части» сложного мира, им порожденные и участвующие в его эволюции.

В своих рассуждениях нами используется мысль Э. Морена о «антропо-социо-информационном развертывании» – переходе биологической вселенной в антропосоциальную, которая буквально разворачивается «из» человека со всем набором его сущностных характеристик [2, с. 402]. Именно поэтому представляется корректным обозначить это развертывание как антропологическое, означающее, что, во-первых, в процессе самореализации человека, вместе с ним формируются условия для этого развертывания; во-вторых, антропологическая сложность в процессе своего «развертывания» порождает конфликты и противоречия, благодаря, вопреки и вместе с которыми происходит ее разворачивание, и истоки которых коренятся в человеческой сущности. В таком контексте становится понятным назначение культуры, которая в общем понимании представляет создаваемые человеком «правила» развертывания «антропосоциальной вселенной», следуя которым человек переводит продуцируемые им конфликты в творчество.

Концепт антропологической сложности и вводится нами для выявления и обоснования роли культуры в становлении человека и общества. Казалось бы, ответы на эти вопросы самоочевидны, однако в современных исследованиях культурологического характера понятие культуры, как правило, используется без уточнения его содержания. Многие современные трактовки культуры, на наш взгляд, лишены онтологического обоснования, «зависают в воздухе», подпитывая аксиологический релятивизм. Раскрывая взаимодействие человека и культуры через концепт сложности, мы осуществляем их «привязку» к сложноорганизованному миру с набором соответствующих свойств и закономерностей. Антропокультурная онтология обретает основу.

Парадигма сложности вобрала в себя многие положения синергетической парадигмы – о нелинейности, неустойчивости, бифуркациях, самоорганизации и т.д. Было бы логичным для анализа человека и культуры, социокультурной реальности как сложности, создаваемой человеком, использовать понятия человекомерности или человекомерности. Тем не менее, концепт антологической сложности представляется нам содержательно более точным.

Если отвлечься от гносеологического аспекта понятия «человекоразмерность» (В. Степин обозначил им объекты постнеклассической науки), речь идет об онтологически «размерных» человеку объектах. Они находятся в едином пространственно-временном континууме, связаны человеческой деятельностью, а потому могут быть рационально описаны языком науки.

Человекомерность – по содержанию понятие шире, поскольку предполагает любые объекты, которые реально или виртуально попадают в поле зрения человека, к которым человек может «приложить свою меру». В мировоззренческом смысле человекомерность связана с антропоцентризмом в завуалированной форме, поскольку человек стремится разместить мир в границах своего существования (или разума). Мир сужается, его сложность становится для человека тайной или большой научной проблемой.

Признание сложности мира и сложности мышления требует, на наш взгляд, отказа от понятия человекомерности, поскольку и человек и мир выявляются свою *многомерность*. Антропологическая сложность означает, что необходимо постигать закон (законы) – о – мерности человека, человеческого бытия, согласующиеся с законом (законами) «мерности» мира. В таком контексте по-иному звучит известная формулировка: «Культура – это мера человеческого в человеке».

Концепт антропологической сложности позволяет рассматривать отношения человека и культуры вариативно, по принципу взаимодействия «сложного со сложным» (как равноправных сложностей) или/и «сложного в сложном» (как «вложенных» друг в друга, соподчиненных сложностей). В первом случае можно говорить о сетевой модели взаимодействия, во втором – системной, предполагающей определенную иерархию частей и целого. Но в обоих случаях на первый план выходит сам процесс взаимодействия человека и культуры, который именно в силу своей сложности обуславливает их становление и приспособление друг к другу.

Важной, на наш взгляд, является возможность объяснения со-творчества человека и культуры, а также присущую их отношениям неоднозначность и противоречивость. В онтологическом плане, нуждаясь друг в друге, человек и культура, тем не менее, никогда полностью не совпадают. Они и избыточны, и недостаточны по отношению друг к другу.

Человек содержит в себе множество онтологических проектов, ни один из которых не реализуется полностью. В. Табачковский выделил полисущностность как онтологическую характеристику человека, которая задает множество способов и направлений его самореализации, определяет фундаментальную потребность в поиске смысла как гаранта устойчивости его существования [4].

Сам для себя человек всегда – возможность, «навигатор», в определении российского философа С. Смирнова. Навигация начинается тогда, когда поиск не может закончиться получением готового места и готового искомого предмета-ориентира. «Человек не может получить опоры, не может сориентироваться, не узнаёт, не слышит, не видит, не чувствует... Прежде всего потому, что во внешнем мире он не находит опор. Он нуждается в ином – в поиске себя. Но его как внешнего ориентира нет и быть не может. Он вынужден ещё только прийти к нему, точнее, создать» [3, с.189]. Прокладывание собственного пути невозможно без ориентиров, которые человек обнаруживает в культуре.

Однако, будучи по своему сущностному определению «навигатором», человек становится и создателем, и разрушителем культуры. Он пребывает в поиске новых способов и форм самовыражения, поэтому для него всегда априорно неактуально уже созданное, воплощенное в культуре, что вынуждает его выходить за обозначенные им же границы антропологического. Культура же, стимулируя человека к творчеству, расширяет границы его бытия, и в тоже время, устанавливает эти границы через нормы и ценности. Тем самым, в культуре всегда есть неучтенное (невыраженное) человеческое, а в человеке – неучтенное (невыраженное) культурное. Это определяет неустойчивость и нелинейность антропологической сложности, которая всегда «предрасположена» к неожиданным трансформациям, либо приводящим к ее обновлению, либо угрожающим ей распадом.

Тем не менее, становление антропологической сложности как части сложного мира возможно при создании, воспроизводстве и обновлении специфических человекоберегающих, защитных «технологий», представленных культурой. Следовательно, вопрос о том, как возникает культура, предполагает осмысление того, как возникает и сохраняется собственно человеческое, и наоборот. В антропологической сложности выявляется культуротворческий потенциал человека (культурогенность человека) и человекотворческий потенциал культуры (антропогенность культуры).

Литература:

1. Аршинов В.И., Князева Е.Н. Предисловие // Синергетическая парадигма. «Синергетика инновационной сложности». – М.: Прогресс-Традиция, 2011. – С. 9 – 12.
2. Морен Э. Образование в будущем: семь неотложных задач / Э. Морен // Синергетическая парадигма. Синергетика образования. – М.: Прогресс – Традиция, 2007. – С. 24 – 96.
3. Смирнов С.А. Антропологическая навигация. Введение в концепт – Человек. RU. – 2017. – № 12. – С. 159–191.
4. Табачковський В.Г. Полісутнісне homo: філософсько-мистецька думка в пошуках «неевклідової рефлексивності». — К.: Видавець ПАРАПАН, 2005. – 432 с.